

Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790-1832 гг.). Исторический очерк. Симферополь. Типогр. Тавричesk. Губернскаго Земства. 1912.

Информация о меннонитах

-39-

Корнис говорит, что Ногайцы были очень неумелыми земледельцами: «из пахарей один направляет путь на восток, другой к северу, одинъ везет косо, другой—полукругом, и большие вдоль промежутков полосы земли остаются нетронутыми». Земледельческие орудия их были очень примитивны: бороной, напр., служил «деревянный пласт, привязанный веревками справа к плугу, одним концом к колесу, а другим к ярму заднего вола, который так и таскается по взборозденной земле»¹⁾. Волостные головы и выборные, по приказанию де-Мезона, должны были руководить «упражнениями Ногайцев в земледелии», а проявлявшие успехи

¹⁾ Телескоп, ч. XXXIII, 1836 г. Корнис: «Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском у. Таврической губ.». Стр. 225.

-40-

освобождались от обязательных работ при общественных домах. Де-Мезонъ даже выхлопотал серебряные медали Ногайцам: Ахакозову Смаилову, Абитаджи Караеву и Алееву «за первоначальную постройку домов, за разведение фруктового сада, за первоначальный посев озимого хлеба и вообще за то, что они подали от себя пример приведения Ногайцев к оседлой жизни». Впоследствии Молочанская волость жаловалась на одного из новопожалованных кавалеров: «Садеин Караев общественной повинности и почтовой около волости гоньбы не отбывает... говорить: меня государ жаловаль медалью, а потому я никакую потребность не дам». Граф запросил Ланжерона, нельзя ли, «в пример другим», освободить Ногайцев, награжденных медалями, от некоторых мелких земских повинностей, но получил однако отрицательный ответ.

-51-

Х. Отзыв современника о Ногайцах.

Любопытно узнать мнение о Ногайцах человека, жившаго среди них и сталкивавшегося с ними по разным житейским поводам. Такого рода известие о Ногайцах мы находим в цитированной уже нами статье Корниса, помещенной в журнале «Телескоп» за 1836 год. Корнис был менонит-лесовод, живший на хуторе Юшанлы.

Имя Ногаец, по его толкованию, значит будто-бы: «чтобъ ты век не знал счастья»! Этому трагическому имени соответствуют три характерные черты, которые Корнис заметил в Ногайцах: леность, жестокость и хищничество. Документы подтверждают, в особенности, последнюю, чисто кочевую черту Ногайцев, атавистическое наследие героической эпохи их жизни. Соседи их менониты и духоборы засыпали начальника Ногайцев, контору опекунства иностранных поселенцев и канцелярию херсонскаго военного губернатора жалобами на постоянное воровство у нихъ скота, производимое Ногайцами. Ришелье много раз предписывалъ де-Мезону прекратить это зло, которое наводило на менонитовъ «уныние». Из ведомости мелитопольскаго нижнего земскаго суда о числе сужденных и наказанных Ногайцев с 1806 по 1812 г. видно, что 50% преступников обвинялось в воровстве скота.

Любопытно, что те же самые черты—леность, жестокость и хищничество —подчеркивали в Ногайцах и путешественники XVI—XVII столетий. Корнис отмечает еще лживость, притворство, фанатизм и суеверие Ногайцев. Их трудно заставить работать, но «если они берутся за работу, то исполняют ее очень проворно, зато после работы любят отдохнуть».

-52-

Они «мастера делать все самыми малыми средствами, что свидетельствует их смышленность и проворство».

Внешность Ногайцев Корнис описывает так: «Ногаец имеет стан видный, посредственного роста, но дюж; телодвижения его гибки и непринужденны: походка не тяжела, а проворна и пристойна». Большая красивая борода приобретала его владельцу большое уважение. В расовом типе Ногайцев отражался результат их смешанных браков с черкесскими, калмыцкими и крымскими девушками. Здесь кстати будет вспомнить, что в 1821 году де-Мезонь возбудил перед губернской администрацией вопрос, имеют-ли право Ногайки выходить замуж за жителей других губерний, и Ногайцы жениться, на ком хотят. Губернатор ответил, что, конечно, имеют право, так как в законах нет никаких ограничений на этот счет для Ногайцев.

Что касается ногайских женщин, то о них Корнис отзывался так: «прекрасный пол их нельзя назвать вообще прекрасным, но между девками и молодыми женщинами есть очень порядочные физиономии с живыми глазами, красивыми носами, маленькими ртами, длинными шеями, прекрасными зубами, но недлинными волосами». Красота их однако, говорит Корнис, скоро увядает. Ногайские женщины очень невежественны и рабски подчинены мужьям.

«Платье Ногайца очень ловко сиди на нем», говорит Корнис. Летом Ногаец носил легкую кожаную шапку, кафтан пояс, широкие суконные панталоны, башмаки. В дождливую погоду он накидывал на голову башлык и набрасывал на плечи «шегбен», бурку. Зимний костюм его состоял из большой шапки, надевавшейся поверх летней, овчинной шубы, кожаных панталон и красных или черных сапог. Женщины (не все) носили белые покрывала, закрывавшие лицо, а под покрывалами длинные пестрые платки, которые они очень искусно обертывали вокруг головы, а концы спускали до ног. Волосы они заплетали в косы. Девушки прицепляли к косам длинные белые полотенца, а вместо покрывал, которые носили одни замужние женщины, надевали на голову большие красные чепцы, украшенные монетами и бусами. Поверх красной или белой рубахи они носили кафтан, опоясанный широким поясом с металлической пряжкой. Женщины, как и мужчины, ходили в широких панталонах и цветных башмаках. «На лбах, подбородках и на шеях носили ленты, с прицепленными бляшечками, серебряными и другими подобными украшениями».

-53-

Оне красили ногти, на пальцах и в носках носили кольца, а в уши продевали тяжелые серьги тоже в виде колец.

Ногайцы очень кичились знатностью своего происхождения и считали себя первым народом в мире. В них сильно развито было чувство племенной гордости и пренебрежения к другим национальностям. Не говоря уже о христианах, они с особенным презрением относились к персам, которых называли «рыжаками». Не менее презрительно относились они и к туркам. Богатые Ногайцы считали для себя безчестным вступать в брачные союзы с крымскими татарами.

Браки у них заключались с девицами из отдаленных селений: жениху вменялось в большую чест не знать и не видеть невесты до самого дня свадьбы. При сватовстве он только справлялся, дородна-ли она, какова лицом и как длинны у неё волосы. Цена невесты колебалась от 30 до 40 коров и от 200 до 300 рублей. «Молодых вдов покупают дешевле, а устарелых баб берут часто и даром», говорит Корнис. Ногаец обыкновенно имел двух жён, редко - трех. Каждая жена имела свою особую спальню.

Жили Ногайцы в избах из нежженого, земляного кирпича, шириною в 12, длиною в 30 футов. Крыша делалась из хвороста, на который насыпалась земля и зола. Изба делилась на две части: кухню и спальню (вернее, спальни). Стоимость такой избы не превышала 100 рублей.

Ногайцы почти не готовили хлеба из пшеничной муки, а делали из неё только пирожки. Их национальный злак был просо. Они вообще были очень неприхотливы в пище, питались молоком, сыром, мясом, главным образом, лошадиным. Мужчины готовили из кобылятины особое кушанье— «тараму», которой женщины не имели права есть. Любимые напитки их были кумыс и калмыцкий чай, сваренный с молоком, маслом и солью. Виноградного вина, запрещенного алкораном, они не пили, но от водки не отказывались, в особенности молодежь. Водку они покупали в кабаках на Бердянской косе, в Единохте и Токмаке. Впрочем, водку они употребляли, главным образом, во время поездок, вне своих селений, в которых достать ее было трудно.

Они были хорошими мусульманами. Муллы руководили воспитанием и обучением детей. Но книги, по которым они учились, были написаны на арабском, непонятном для них

-54-

языке. Ногайский же язык отличался от языка крымских и оренбургских татар.

Сильно распространены были между ними всякого рода болезни, больше всего горячка, оспа, короста и венерические, которые заносились из других мест. Лечились они обыкновенно у ворожей и заклинателей, заговорными записочками, которые клали больному в шапку или вешали на спину и шею. Глазные болезни лечили самым первобытным способом: сильным давлением глазного яблока и трением ресниц. Они были недолговечны и редко доживали до 60—70 лет. Дурные гигиенические условия, в которых они жили, отражались, главным образом, на детях, смертность среди которых была огромна. Корнис отмечает любопытную подробность, что в ногайских аулах рождалось больше мальчиков, чем девочек.

Надо сказать, что начальство Ногайцев принимало меры к устройству для них медицинской помощи. В 1817 году был определен в ногайские селения лекарь Никитин, с жалованьем по 500 рублей в год. Граф де-Мезонь разослал тогда следующий приказ всем волостным правлениям:

«Предписываю правлениям, что на случай, где-либо в селениях и деревнях на Ногайцах окажется болезнь, а на детях оспа и особо оных на рогатом скоте, то в то же самое время волостные правления, сверх донесения мне, имеют прямо от себя давать знать определенному для пользования ногайского народа господину лекарю Никитину к надлежащему со стороны его распоряжению».

Но в 1820 году Никитин умер, и до 1826 года Ногайцы оставались без врача. В 1826 году назначен был к ним лекарем Цветаев, но в следующем же году он был перемещен в кавказский отдельный корпус. После этого оказание медицинской помощи Ногайцам возложено было на мелитопольского штаб-лекаря. Но, зная обширность тогдашнего Мелитопольского уезда, мы имеем полное основание полагать, что польза этой помощи равнялась нулю. В 1831 году губернатор все еще отписывался на рапорты начальника Ногайцев, что «медик будет определен при первой к тому возможности».

Средствами развлечения Ногайцев служили: охота на зайцев и волков, скачки и качели во время байрама, музыка, пляска и пение. Европейскому уху Корниса ногайское пение

-55-

казалось отвратительным, но сами Ногайцы «были большие охотники петь, особенно едучи дорогою верхом». Шахматная игра пользовалась у них большим почетом. Табак курили и мужчины и женщины, даже дети.

Таковыми чертами рисует Корнис первых колонизаторов нашего Азовского побережья. Оседлый быт их весь еще, как мы видим, был проникнут духом кочевой жизни и, кажется, оставался до их знаменитого бегства в Турцию.

Необходимо отметить здесь, что у Корниса мы совершенно не находим того восторженного взгляда на цветущее состояние экономической жизни Ногайцев, с которым мы уже встречались в рапортах де-Мезона и в донесениях Ланжерона. Корнис, напротив, очень невысокого мнения о хозяйстве Ногайцев, неспособных пользоваться природными богатствами края. Без сомнения, он выражает взгляд своих земляков-менонитов, когда говорит: «очень горько другим смежным с Ногайцами жителям Южной России смотреть, что эта превосходная полоса земли остается в таком пренебрежении. Если бы не было уже никакой возможности преобразовать этот народ, то пусть бы он, согласно его желанию, шел скитаться в обширные степи Азиатской России, а эта полоса досталась бы другим жителям, способным воспользоваться ею с истинною себе и государству выгодою».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Материалы, касающиеся Ногайцев, в архиве ногайской городской управы.

-85-

32. Милостивый государь Федор Иванович.

Менонисты имеют селиться пятью деревнями на речке Куре-джу-ютане, и под поселение им нужно избрать таковые места, коих бы

-86-

весняная вода не могла понимать; в разсуждении чего покорнейше прошу вас, милостиваго государя, как нагайцам, кочующим на речке Куре-джуютане, места известны, кому следует вашего приказания прислать 3-х человек нагайцов, коим явиться у меня в немецкой колонии номере 7-м на Молочной сего мая в 17-й день.

Имею честь быть с истинным высокопочитанием и совершенною преданостию. Милостивый государь, высшего высокоблагородия покорнейший слуга Феодор барон Иксуль, смотритель колоний.

Мая 14 дня 1805 года. Д. Пришиб. № 9.

33. Из Конторы опекунства Новороссийских иностранных поселенцев.

Начальнику над Ногайцами господину полковнику Тревогину.

Молочанских колоний смотритель г. порутчик барон Иксуль доносит главному судье конторы от 27-го декабря 1805 года, что водворяющиеся в тех колониях менонисты терпят неудовольствие через безпрестанно умножающиеся у них от соседственных с ними нагайцов воровства скота, навлекающие уныние, тем больше, что нагайцы в темные ночи, вламываясь в самые безопасные скотские дворы, не только лошадей, но коров и овец сводят, так что иной хозяин чрез сие совершению разоряется, ибо и наряжаемый ночной караул ничего не способствует, да и разведывания о украденном скоте остаются бесполезными, потому что нагайцы украденный скот убивают или через другия хитрости всякия изъследования делают бесплодными. А как по получаемым менонистами известиям в нынешнем годе ожидается многолюдной выход менонистов, то нужно сие зло, от воровства скота происходящее, благовременно прекратить.

Контора опекунства, имея обязанность пектись о благосостоянии менонистов и надеясь, что злодеяния сии удобно могут быть отвращены, если только вы к открытию виновных употребите деятельное попечение и власть, вам предоставленную, и содержать будете над ними строгую дисциплину, и смотрение за их поведением, относится к вам и просить, чтобы вы, съвидясь лично с смотрителем Иксулем, постарались принять такие меры, которые вами за благонадежнейшее признаны будут и действительно могут пересечь воровство, учинив при том строжайшия приказания по ведомству вашему, чтобы над замеченными в непорядочном поведении нагайцами присматриваемо было неупустительно, и коль скоро кто примечен будет в воровстве, такового тот чась предавать следствию суда, о чем донесено и Его Сиятельству господину

херсонскому и одесскому военному губернатору и кавалеру Дюку де-Ришелье.
Главный судья Контениус. Главного судьи товарищ . . .

№ 36. 4-го января 1806 г.

34. Из Конторы опекунства Новороссийских иностранных поселенцев.

Начальнику Нагайских орд господину полковнику Тревогину.

Новороссийская опекунская контора, иностранных поселенцев доносит мне, что вверенные начальству вашему нагайцы похищают у соседственных с ними на Молочных водах менонистов скот таким образом, что за всеми их предосторожностями лишаются они приведенных с собою лошадей, коров и овец, о разведении которых столько стараний правительство прилагает. Я поставляю сие на счет слабого смотра за нагайцами, и предписываю вам немедленно строжайше войти в исследование воровства и, открыв виноватых, предать их суду, пополнив сколько можно убытки менонистов, лишившихся своего скота, на счет тех виновников с их имения, и тем прекратить зло сие, для начальства толико предосудительное; что же по сему вами сделано будет, меня немедленно уведомить.

Г. Л. Дюк де-Ришелье.

№ 12. 24 января 1806 года. Одесса.